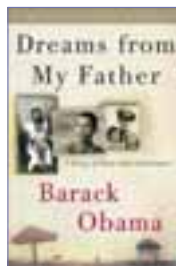

Автобиография Обамы глазами биографа

Уильям Таубман

БАРАК ОБАМА, *Дерзость надежды*.

М.: Азбука-классика, 2008. 416 с.

BARACK OBAMA, *Dreams from My Father*:

A Story of Race and Inheritance, New York,

NY: Crown, 1995. 464 p. (Барак Обама,

Мечты моего отца: рассказ о расе

и наследии)

Звезда Барака Обамы продолжает стремительно восходить на американском политическом небосклоне. Многие в этом феномене позволяют понять автобиография Обамы «Мечты моего отца».

Как профессиональный биограф политических лидеров, я заглянул в автобиографию Обамы, опубликованную за десять лет до того, как он объявил о своем участии в президентской гонке, чтобы разобраться с качествами его мышления и характера, которые могли бы сформировать стиль его президентства. Я обнаружил три качества, потенциально позволяющие ему стать не просто хорошим, но великим президентом: понимание себя (то, что в Америке иногда называют «чувством комфорта в собственной коже»), умение сопереживать и глубокое понимание не только возможностей, но и пределов власти.

То обстоятельство, что Обама комфортно чувствует себя «в своей коже», объясняет его спокойствие и самообладание в ходе кампании и дает хорошие прогнозы на его пребывание в Белом доме. Этот факт еще примечательнее, если учесть, что он, чернокожий, рос среди белокожих. «Я научился лавировать между моим белым миром и черным, — вспоминает он в своих мемуарах, — понимая, что в каждом из них существуют свой язык и смысловые структуры, но в убеждении, что я смогу стать посредником между ними и, при-

ложив к тому некоторые усилия, смогу в конце концов добиться их слияния».

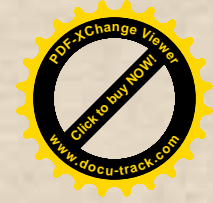
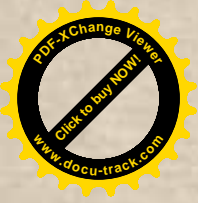
Умение сопереживать помогло в ходе кампании (по свидетельству опросов, избиратели считают, что Обама лучше Маккейна «понимает проблемы таких людей, как я») и поможет править. Способность Обамы к сопереживанию просвечивает в главах, в которых он описывает воспитавших его родителей матери. Бабушка, испытывавшая на себе эффект «стеклянного потолка» на бесперспективной банковской работе, где «на протяжении двадцати лет, проведенных практически без отпусков, она наблюдала, как сотрудники мужского пола продвигались по корпоративной лестнице благодаря информации, полученной по дороге с гольф-поля в клубный дом и сразу пущенной в ход, — и как в результате становились состоятельными людьми». Послушайте, как Обама описывает своего дедушку, напоминающего Вилли Лоумена, трагического героя пьесы Артура Миллера «Смерть коммивояжера». Барак случайно слышит разговор деда с клиентами по телефону: «Отчаяние, сквозящее в его голосе, долгие паузы после того, как люди на другом конце провода объясняют, почему четверг плох, а вторник не намного лучше, потом тяжелый вздох деда, когда он вешает трубку, и его руки, теребящие бумаги, которые лежат у него на коленях...».

Сопереживание распространяется даже на подростков-хулиганов, при-

ставших к Обаме на улице возле его чикагской квартиры на юге города. Они напоминают ему его самого, когда он был «переполнен смутно ощущаемым чувством обиды и безумной тягой к самоутверждению». В отличие от него, они — воплощение «непокорной возмужалости, которая не даст себя сдержат, как в конце концов была сдержана моя, чувством глубокой грусти, вызванной ущемленной гордостью старшего человека [его отца и деда]».

Любой, кто баллотируется на пост президента, мягко говоря, понимает возможности власти. Так же важно — а, возможно, даже еще важнее в мире, в котором лучшие намерения так часто порождают ужасные последствия — то, что Обама понимает границы власти. Посмотрите, например, насколько всерьез он воспринимает реплику своей кенийской сестры Аумы «Мне не очень нравится политика. Она всегда оставляет в людях разочарование», как он уважает своего индонезийского отчима, «практичного» человека, который «знал, что жизнь слишком трудна, чтобы судить о выборе, сделанном другими, слишком запутана, чтобы жить в соответствии с абстрактными идеалами».

Обама — идеалист, и его умение ярко выражать на словах свои чаяния производит захватывающее впечатление на его слушателей. Но он настаивает, что его мечты не похожи на мечты его чикагского наставника — бывалого социального органи-

Мир многоголово и многословно рассуждает об Обаме. Но в потоке необоснованных догадок, ряби скрывающих разоблачений и омутах мутной аналитики **Пушкин** выловил пару реплик, емких как хорошие батарейки и точных как стрела лесного разбойника. Спешит ими поделиться:

Саймон Критчли:¹ После просмотра бесчисленного множества выступлений и тщательного чтения его слов я понятия не имею, кто такой Барак Обама. Это очень странно. Чем больше слушаешь и читаешь, тем острее ощущение какой-то размытости. Возьмем «Дерзость надежды» — образчик легкого, неформального и расслабленного стиля, присущего прозе Обамы. Он рассказывает, как ходит в спортзал, заказывает чизбургер, планирует вечеринку по случаю дня рождения своей дочери и так далее. Он легко и непринужденно смешивает изложение позиции и общих очертаний политики с автобиографическим рассказом. И все же я постоянно задавался вопросом: что он за человек? Я не имею в виду ничего жуткого и злоеущего. Просто при чтении Обамы меня поражало чувство отстраненности, и чем более искренней была проза, тем большую отстраненность я ощущал. В самом начале он признается, что он не тот человек, которого можно легко рассердить. Но иногда мне хотелось увидеть его рассерженным. Гнев — это эмоция, которая вызывает движение, настроение, которое побуждает субъекта к действию. Возможно, гнев — это первейшая политическая эмоция. «Дерзость надежды» — это книга о том, кто живет отстраненно, кто отстранен от себя самого и от других и горячо желает соединиться с другими американцами и объединить американцев. В Обаме сквозит подлинный *horror vacui*, страх одиночества и ничтожности. Он жаждет безусловной привязанности, которая определит его субъективность и заполнит вакуум.

Но, возможно, в этой неясности как раз и заключен политический гений Обамы: видимо, именно этот загадочный, инертный характер Обамы и вызывает желание идентифицировать себя с ним, любить его. Возможно, это чувство внутренней отстраненности и есть то, что люди видят в себе и в нем. Обама признает наличие этой способности в интригующем и глубоком замечании: «я служу чистым экраном, на который люди совершенно различных политических направлений проецируют свои собственные взгляды». Он — зеркало, ко-

торое отражает все, что желает увидеть зритель. В каком-то смысле наше одиночество и сомнения сосредотачиваются на нем и сливаются с ним. В какой-то момент и, возможно, только в этот момент, мы верим, мы надеемся... Быть может, в этом и состоит трагедия, которую некоторые из нас видят в Обаме: перемены, в которые мы верим, и сокрушительное сознание того, что ничего не изменится.

Славой Жижек:² В знаменитом диалоге из фильма «Жизнь Брайана по Монти Пайтон», действие которого происходит в Палестине во времена Христа, лидер еврейской организации революционного сопротивления возбужденно говорит, что римляне принесли евреям только страдания. Когда его последователи замечают, что они все же ввели образование, построили дороги и систему орошения и т. д., лидер торжествующе заключает: «Да, но, помимо санитарии, образования, вина, общественного порядка, ирригации, дорог, водопровода и здравоохранения, что вообще хорошего мы видели от римлян?»

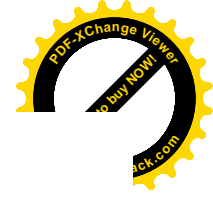
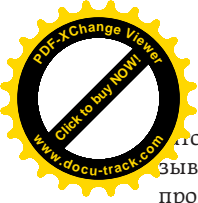
Нет ли чего-то похожего в последних заявлениях Обамы? «Я выступаю за радикальный разрыв с администрацией Буша!» Или: «Да, конечно, я обязуюсь безоговорочно поддерживать Израиль, бойкотировать Кубу, гарантировать неприкосновенность телекоммуникационных корпораций, плюющих на закон, но я по-прежнему выступаю за радикальный разрыв с администрацией Буша!»

Когда Обама говорит о «дерзости надежды», о «переменах, в которые мы верим», он использует риторику перемен, которой недостает внятного содержания: надежда на что? перемена чего?

Но обвинять Обаму в лицемерии бессмысленно. Принимая во внимание непростое положение Соединенных Штатов в сегодняшнем мире, как далеко новый президент может зайти в проведении действительных изменений, не вызвав экономического коллапса или резкой ответной политической реакции?

¹ SIMON CRITCHLEY. The American Void. Harper's Magazine. November 2008. Vol. 317. No. 1901. P. 18–20.

² SLAVOJ ŽIŽEK. The Audacity of Rhetoric. In These Times. September 2008. Vol. 32. No. 9. P. 15.

инатора, который «не слишком привязывался к людям или местам за три проведенных там года... Он был одержим идеей». Обама же был одержим желанием показать людям, с которыми он работал в качестве социального организатора, что он не был «простоком, строящим воздушные замки».

Обама, видимо, отдает себе отчет в труднопреодолимых, подчас трагических препятствиях, мешающих творить добро. В «Мечтах моего отца» выясняется, что его союзники обладают пороками, противники — добродетелями, а те несчастные люди, права которых он защищает, часто неспособны, отчасти в результате перенесенных ими лишений, эффективно работать над улучшением собственных жизней.

Вторая книга Обамы, «Дерзость надежды», опубликованная в 2006 г., когда его президентские амбиции уже вырисовывались вполне отчетливо, более просчитана, и потому открытий в ней меньше. Но в заголовке важна мысль, что великие достижения дорого стоят, успех не гарантирован, а попытки на этой стезе в равной степени подвержены и провалам, и удачам. Вот почему нужно

держаться надеяться и действовать, исходя из своих надежд.

Можно, конечно, задаться вопросом, не окажутся ли добродетели Обамы губительными для его президентства. Не возьмем ли его склонность к тонкому, нетривиальному мышлению парализующий эффект? Как может такой порядочный и вдумчивый человек, как он, взаимодействовать с противниками, которые не обладают такими качествами? Задавая себе эти вопросы, я подумал, что опыт жизни в Кении и Индонезии наверняка отразился на его скептицизме в отношении надежд Джорджа Буша силой навязать Ираку демократию. Можно также задаться вопросом, насколько много можно извлечь из автобиографии в отличие от подробной летописи жизни и деятельности Обамы. Но как раз эти факты уже тщательнейшим образом изучены, а его повествование о собственной жизни — нет.

Нам не дано предугадать, каким президентом может стать Барак Обама. Но одно я могу сказать точно: если Обама победит на выборах, он напишет самые лучшие президентские мемуары! ■